

А.Э. Савин

ИСТОКИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И КРИТИКИ ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВ ЛЕНИНИЗМА В ЗАПАДНОМ МАРКСИЗМЕ

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19–011–00764 А.

Раскрываются истоки и логика критики философских основ ленинизма в работах представителей «коммунизма Советов», определяющей понимание ленинизма в современном западном марксизме. Выявляется генезис трактовки ленинизма как антидемократической линии в освободительном движении, орудия легитимации господства бюрократии и натуралистического смещения естественно-научного и исторического материализма, подавляющего и выхолащивающего историчность марксистской мысли.

Ключевые слова: ленинизм; философия; западный марксизм; критика; материализм; история; политика; Паннекук.

Целью работы является выявление характера широко распространенной в западных странах критики ленинизма в «левом коммунизме» или «коммунизме Советов» (*Raetekomunismus*), появившихся в Германии, Голландии и Дании в 1920–1930-е гг.

Эта критика, во многом определившая западный способ рецепции марксизма-ленинизма вообще, в особенности его трактовки в Соединенных Штатах, лежит в основе тенденции в западном марксизме, получившей в последние годы название «марксистский антиленинизм» [1. С. 7–17]. Сравнительно недавние переводы и переиздания работ отцов-основателей «коммунизма Советов» на английском, немецком и итальянском языках, особенно тех из них, в которых содержится критика ленинизма, рост посвященной их анализу комментаторской литературы в последние годы свидетельствуют об актуализации затронутых в них вопросов для современного освободительного движения, а также о новых тенденциях в осмыслении проблемы отношений России и Запада в современной западной мысли. Эти тенденции во многом определяют отношение западных левых к России, в том числе и в политическом аспекте. Кроме этого, ввиду того что на сцене появилось новое поколение политиков (на Западе, в том числе в США этих политиков в отечественной литературе, как популярной, так и научной, без всякой дифференциации, и, как кажется, вообще без всякой мысли, называют «выходцами из троцкистских групп», что не вызывает ничего, кроме недоумения, поскольку именно в среде «коммунизма Советов» еще в 1930-е гг. была впервые написана работа «Троцкий как сталинист»), имеющих опыт участия в левом движении и находившихся под влиянием западной левой мысли, осмысление западной критики марксизма-ленинизма слева способствует и пониманию западной политики на русском направлении. Между тем в отечественной философской и тем более политологической литературе эта важная тема совершенно упущена из внимания. Настоящая статья, хочется надеяться, положит начало исправлению этого недостатка.

Примечательно, что, начавшись в 1920-е гг. как политическая, критика ленинизма, движимая логикой полемики, уже в 1930-е превращается в критику его фундамента, т.е. его философских основоположений.

Она стремится вскрыть внутреннюю связь ленинской философии и ленинской политики, а также выявить логику, связывающую ленинизм со сталинизмом, т.е. с «советской» практикой, которую представители «коммунизма Советов» прямо оценивали как антисоветскую), и практикой угнетения и эксплуатации рабочих бюрократией с ее диаматом как официальным теоретическим инструментом легитимации.

Критика философских основ ленинизма сторонниками «коммунизма Советов» ведется со всей серьезностью, и разбору подвергается главная для философии марксизма-ленинизма работа Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Поэтому для понимания генеральной линии критики философии ленинизма представляется логичным подвергнуть анализу и истолкованию идеи, изложенные в работе одного из крупнейших теоретиков и политиков «коммунизма Советов» Антона Паннекука «Ленин как философ». Работа в собственно философской своей части посвящена критике этого главного философского произведения Ленина. При этом учтены также и статьи других основателей «коммунизма Советов» – Карла Корша и Пауля Маттика, посвященные этой критике. Значимость их определяется тем, что именно они составляют философский фундамент современного западного «марксистского антиленинизма».

Следует учесть, что в современной западной мысли критика ленинизма слева существует в седиментированном виде, а современные формы ее реактивации – на Западе, неплохо раскрывая линии теоретико-политической преемственности в аспекте критики политики ленинизма между ранним «коммунизмом Советов» Паннекука–Гортера–Корша–Маттика и современным «марксистским антиленинизмом», оставляют слабо разработанным философский аспект [2. Р. 1162–1171].

Политические предпосылки и политический контекст философской дискуссии между ленинизмом и «коммунизмом Советов»

Отправным пунктом дискуссии между линиями Ленина и «коммунизма Советов» стала полемика о характере русской революции и линии пролетарских революционных партий в других странах, особенно

западных. Согласно Ленину, сущностные черты произошедшей в России социалистической революции будут воспроизводиться и в других странах. А потому стратегия и основные черты тактики большевиков, их способ построения революционной организации для победы революции и удержания власти революционерами должны воспроизводиться во всех странах. Соответственно, политический опыт русской коммунистической партии имеет универсальное значение, в том числе предписывает стратегию и основные линии тактики, равно как и принципы организационного строительства в более экономически развитых по сравнению с Россией западных странах их социал-демократическим партиям.

Основой этой позиции Ленина служит не только успешный пример русской социалистической революции, но и интенсивность и многообразие опыта русского освободительного движения вообще и левого крыла рабочего освободительного движения – большевистской партии. Согласно ленинской оценке, за короткий предреволюционный и революционный период многообразие форм в русском освободительном движении, дифференциация и кристаллизация политических линий и организаций в нем, размах теоретических дискуссий приобретают такие масштабы, что превосходят кажущийся более значительным и глубоким опыт западного освободительного движения, в особенности рабочего.

Причиной кажимости является то обстоятельство, что западные рабочие партии, западное рабочее освободительное (антикапиталистическое) движение имеют более давнюю традицию. Согласно Ленину, однако, ввиду «сжатия времени» в предреволюционный и революционный период, интенсивности и смысловое содержание русского опыта включают в себя опыт западного рабочего освободительного движения и превосходят его [3. С. 10–11]. Поэтому русский опыт для западного мира, да и остального, выступает в качестве априори, правда не в кантовском, а в тренделенбургском смысле, т.е. предначертывает пространство возможностей и линии развертывания опыта их освободительного движения. Таким образом, нет сомнения, что линия Зиновьева, а затем и Сталина на большевизацию Коминтерна и мирового рабочего освободительного движения в целом имеет теоретико-политическое основание в ленинской позиции, отличия могут заключаться лишь в избранном ими способе большевизации.

Против линии Ленина выступили «левые коммунисты», в том числе сторонники «коммунизма Советов». Существо их позиции можно выразить в двух положениях. Русская революция является не социалистической, а лишь «догоняющей» буржуазной революцией. Направляющей в ней, по их мнению, выступила, соответственно, не пролетарская партия, а опирающаяся на союз преобладающего в стране крестьянства с небольшим, молодым и лишь приобретающим первый опыт политической борьбы пролетариатом партия радикальной интеллигенции, нацеленная на низвержение абсолютизма и его легитимации – клерикализма. Борьба по преимуществу с царской властью, его социальной и политической опорой –

крупным землевладением и дворянством, с его духовной опорой – церковью и религиозной философией, а не с капитализмом и его формами легитимации, союз пролетариата с крестьянством с его мелкобуржуазными интересами и тенденциями предопределили специфику русской революции и особенности организации левого крыла российской социал-демократической партии.

Поскольку на Западе буржуазия уже выполнила задачи, к решению которых лишь стремятся русские левые социал-демократы, западные коммунисты находятся в совершенно других условиях, нежели русские. Им непосредственно противостоит буржуазная власть, мелкобуржуазное крестьянство является естественным союзником буржуазного правительства, а не пролетариата.

Соответственно, и в области борьбы идей линия пролетарской революции нацелена на Западе не на борьбу с религией и фидеизмом как легитимацией феодально-абсолютистского общественного устройства, но на борьбу со специфическими формами легитимации власти капитала – позитивизмом и фетишистским антиисторическим мышлением. Из чего для представителей «коммунизма Советов» следует, что русский опыт, в том числе и в теоретической области, не только не может выступать парадигмообразующим для западного рабочего освободительного движения, но и вовсе не релевантен ему.

Политически русские, и именно в силу специфики своих условий, сформировали «коммунизм партии» в противоположность «коммунизму масс» или «коммунизму Советов». Руководство и ядро теоретиков партии не было пролетарским, а состояло из присоединившейся к пролетариату радикальной интеллигенции, а потому и в области теории выражало воззрения не только и не столько пролетариата, сколько этой интеллигенции. Ее воззрения восходили к народничеству и базировались в конечном счете на философии Просвещения с его идеями антиклерикализма и народовластия. Основой же самой философии просвещения выступал естественно-научный (механистический) материализм. (Примечательно, что, указывая на определяющую роль радикальной интеллигенции в организации большевистской линии в партии, сторонники «коммунизма Советов» следуют за первой на Западе критикой большевизма, представленной в статье Розы Люксембург 1903 г., переизданной в разгар дискуссии ленинцев и сторонников «коммунизма Советов» под характерным заглавием «Ленинизм или марксизм?» (1935), где впервые была высказана мысль о связи антидемократической тенденции ультрацентрализма в партии и ведущей роли в ней интеллигенции [4. Р. 99–102].)

Соответственно, и положительные философские основания русской коммунистической партии, изложенные в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленина, несмотря на справедливость и значимость его идей для русской борьбы с абсолютизмом и церковью, уже «сняты» (aufheben – в гегелевском смысле) подлинной, т.е. западной, марксистской философией, ей ничего дать не могут и универсальным значением для современного освободительного движения не обладают.

Критика философских основ ленинизма «коммунизмом Советов» и логика ее развития

Первоначально в качестве теоретического основания пролетарского освободительного движения выступил марксизм. Вопрос заключается в том, какой философский фундамент имеет сам марксизм. Казалось бы, ответ классиков марксизма вполне ясен – марксизм есть материализм, каковой признает основным началом мира природу, в противоположность идеализму, признающему началом мира дух [5. С. 45]. Соответственно, источником всех форм человеческой жизни и человеческих отношений, и даже человеческого «я» марксизм считает предметно-практическую деятельность, направленную на преобразование природы в целях общественного воспроизводства, т.е. труд.

Трудность, однако, заключается в том, что марксизм есть антифетишизм. Это означает, что за всеми понятиями и законами он видит живой и развивающийся человеческий опыт, а мышление, понимающее саму жизнь и ее движение в свете идеальностей, застывших понятий и законов, он характеризует как метафизическое и фетишистское, какое в современном мире, в конечном счете, продиктовано товарным фетишизмом капиталистического общества [6. С. 80–93]. Освободительное движение пролетариата, будучи направленным против капиталистического мира, постольку избавляется от задаваемых им форм мышления, поскольку сводит все идеальные образования к опыту. В этой связи в марксистской мысли вполне последовательно возникает вопрос, не являются ли сами понятия матери, объективного закона, причинности, которыми оперирует материализм, такого рода фетишами? Из этого хода мысли естественным образом возникает замысел обновления оснований марксизма – замены материализма философией живого опыта, и на роль философии марксизма начинает претендовать эмпириокритицизм.

Инициатором этой реформы марксизма выступает Александр Богданов. В своем предисловии к «Аналізу ощущений» Маха он эксплицирует значение эмпириокритицизма для марксистской мысли *sub specie revolutionis* [7. С. IV]. Эмпириокритицизм, с его точки зрения, есть не что иное, как философия «организованного коллективного человеческого опыта», объективациями которого выступают мир, с одной стороны, и человеческое «я» – с другой. Потому эмпириокритицизм, по его мнению, во-первых, полностью удовлетворяет марксистскому антифетишизму, во-вторых, будучи «наиболее прогрессивной философией естествознания», удовлетворяет и марксистской логике первичности труда, т.е. преобразования природы, поскольку «естественные науки – это организованный технический опыт... идеология производительных сил общества» [7. С. VII].

В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин подвергает попытку пересмотра оснований марксизма Богдановым резкой критике. Она включает в себе два основных момента.

Во-первых, согласно Ленину, основоположением не только марксистского, но и всякого материализма является принцип «абсолютной нечеловечности природы» (*absolute Unmenschlichkeit der Natur*), т.е. ее преданности, существования ее до всякого опыта [8. С. 86]. И только на этом принципе может базироваться убеждение в объективности законов развития природы и истории. Трактовка же природы как устойчивого организованного опыта (устойчивого комплекса ощущений) в эмпириокритицизме есть не что иное, как субъективный идеализм берклеанского или юмистского толка. Он подменяет объективность субъективной общезначимостью и влечет за собой релятивизм.

Во-вторых, из трактовки природы и «я» как устойчивого организованного опыта вытекает оправдание религии, а также фидеизма в философии, поскольку религия и ее идея бога, например, тоже есть устойчивая форма организованного опыта, потому принятие ее положений в качестве общезначимых становится обязательным для эмпириокритицизма [8. С. 137]. Таким образом, эмпириокритицизм, будучи, по видимости, антифетишизмом, в действительности открывает дорогу самым консервативным и реакционным фетишистским представлениям и практикам и оправдывает их, пролагая путь реакционной, в том числе клерикальной политике. Марксизм же, понятый как диалектический материализм и базирующийся на положении об абсолютной нечеловечности природы, согласно Ленину, есть критика политической теологии, а потому принципиально враждебен всем религиозным и идеалистическим воззрениям и базирующимся на них реакционным политическим практикам. Поэтому подлинной философией освободительного движения и пролетарской революции является диалектический материализм.

Паннекук, равно как Корш и Маттик, столкнувшись с вопросом «что лучше в качестве философии пролетарской революции – эмпириокритицизм или диалектический материализм», отвечают: «оба хуже». Чтобы понять причину такой позиции, необходимо понять их трактовку марксизма. Паннекук в работе «Ленин как философ» (1938) полагает, что для Маркса материализм не философская система, а рабочий метод исследования мира [9. С. 24.]. Его отличие от всякого иного материализма заключается в том, что он есть материализм исторический, т.е. рассматривающий мир и сознание как продукт труда в его общественно-историческом развитии.

Старый буржуазный материализм опирается на естествознание, рассматривающее в абстракции от практики природу как нечто внешнее сознанию и данное только посредством чувственного созерцания. На основании этого воззрения он формирует свои понятия объективности, закона, причинности и пр. Исторический материализм, согласно Паннекуку, рассматривая природу через призму труда, приходит к следующему выводу. «Благодаря труду человек и природа более не относятся друг к другу внешне, как два чуждых мира. В этой практике труда люди преобразуют мир, в такой мере, что изначальный материал природы (*urspruengliche Naturstoff*) уже не узнать

(erkennt), и при этом в то же время преобразуют самих себя. Они сами создают свой новый мир, человеческое общество, встроенное в природу, преобразованную в технический аппарат. Человек – творец этого мира» [9. S. 29]. Из этого различия вытекает и второе. В области познания базирующийся на абстагировании от практики естественно-научный материализм оперирует застывшими метафизическими понятиями, тогда как марксизм, опирающийся на текучую практику, релятивизирует и дефетишизирует все научные и философские понятия [9. S. 43]. На основании приведенного выше основного положения Паннекук и развертывает критику Ленина и ленинизма.

Во-первых, Ленин в своем материализме, согласно Паннекуку, не различает преданные опыту и практике вещи и их естественно-научные трактовки (исходит из описания зрения в терминах отражения на сетчатке, звука как колебания и т.п.) и тем самым смешивает «действительно наблюдаемый мир и физические понятия» [9. S. 90]. Вследствие этого он отождествляет понятие природы и материи, каковую он рассматривает как объективную, независимо от человека существующую реальность. Это отождествление есть, по Паннекуку, характерная черта буржуазного естественно-научного материализма, для которого материя, понятая в абстрактных, физических терминах, есть единственная реальная субстанция мира, но оно чуждо марксизму, исходящему из конкретной практики. Поэтому, хотя Ленин в общем и прав в критике идеалистических тенденций эмпириокритицизма, его критика во многих отношениях некорректна и вовсе не является марксистской [10. S. 16].

Во-вторых, ленинская объективистская трактовка законов природы и общества, согласно Паннекуку, является ложной, поскольку в них нет никаких законов, так как «закон определяет не то, что будет делать природа, а то, что мы ожидаем, что она будет делать» [9. S. 92]. А эти ожидания исторически относительны и зависят от уровня развития науки и культуры и в конечном счете от характера предметно-практической деятельности субъектов в данную эпоху. В этом аспекте исторический материализм, согласно Паннекуку, полностью порывает с естественно-научным материализмом и потому несовместим с ленинской теорией отражения. Ее он именуется простодушной, поскольку она не учитывает сознательной активности.

В-третьих, именно потому, что ленинский материализм в своей основе есть естественно-научный буржуазный материализм, выражающий позицию радикальной буржуазной интеллигенции, сражающейся против абсолютизма и церкви, главным предметом философской критики Ленина выступают не наука, на которую опирается победившая буржуазия, не специфически буржуазные категории и их товарно-фетишистские характер и генезис – как, например, у Лукача в его подлинно марксистской «Истории и классовом сознании», – а религия и фидеизм [9. S. 102]. Но религия и философский фидеизм являются главным врагом в современном мире только для «догоняющих» стран, стоящих перед задачей буржуазно-демократической революции, для стран капиталистических, тем более государств «организованного капи-

тализма», где религия и церковь уже не играют определяющей роли и где уже закрепились товарно-фетишистские отношения и образ мысли, их критика перестает быть радикальной социальной критикой и служить главным теоретическим орудием освобождения [9. S. 109–110]. Лишь потому, что в России движителем буржуазно-демократической революции была не буржуазия, а пролетариат и пролетарская партия, ленинские философские идеи получили марксистское терминологическое облачение.

В-четвертых, поскольку покоящийся на фундаменте естественно-научного материализма ленинизм является выражением идеологии радикальной интеллигенции, присоединяющейся к рабочему классу как главной силе освободительного движения извне и привносящей, согласно Ленину, в него революционное сознание, он определяет и основные черты ленинской (большевистской) политики: отрыв партии от класса и массы, ультрацентрализм внутри самой партии, а с течением времени становится орудием легитимации власти, выросшей из партийной интеллигенции бюрократии. Как прямо указывает в рецензии (1938) на книгу Паннекука Корш, после победы в России революции, которую левые коммунисты оценивают как полубуржуазную полупролетарскую, и постепенного угасания власти Советов и установления в России «госкапитализма», ленинизм стал государственной философией. [11. S. 128].

В своей книге «Советский марксизм (Критический анализ)» Маркузе развивает критику ленинизма левым коммунизмом. Он эксплицирует изменение функций диалектического материализма в Советском государстве, его превращение из теории освобождения в составляющую механизма угнетения, т.е. господства бюрократии над массами, преобладание натурализма над историческим материализмом в советском диалектическом материализме, и даже, что является важнейшей новацией Маркузе в этой критике, – перерождение несущей освобождение, поскольку дефетишизирующей, марксистской диалектики в свод объективистски истолкованных законов [12. P. 137]. Дополненная этой франкфуртской компонентой концепция ленинизма Паннекука – Корша – Маттика седиментируется с концепцией 1960-х гг. и становится неотъемлемой чертой современного западного марксизма.

Заключение

В настоящей статье мы пытались, выявить генезис и характер критики ленинизма в «коммунизме Советов» и уяснить, как понимает ленинский диалектический материализм типичный западный марксист, ангажированный этой критикой ленинизма слева. Вот основные моменты этой концепции.

1. Ленинизм в философии есть теория, первоначально выработанная русской радикальной буржуазно-демократической интеллигенцией, пришедшей к руководству в русской рабочей партии, для борьбы с феодально-помещичьим строем, а затем, после победы революции, ставшая философией партийной и «советской» бюрократии. Кратко – ленинизм (диалектический

материализм) не есть философия пролетариата, это философия интеллигенции и в конечном счете бюрократии.

2. В ходе идейной и политической борьбы функция ленинизма (диалектического материализма) изменилась. Из философии освобождения он стал инструментом легитимации господства бюрократии, угнетения и эксплуатации. С самого начала выступив как обоснование господства партии над классом и массой, он в итоге стал частью государственного механизма, подавляющего низовое освободительное движение, т.е. советскую власть.

3. Основная линия борьбы ленинизма – против религии и фидеизма – потеряла актуальность, поскольку ни религия, ни фидеизм уже не правят духовным миром в условиях «организованного капитализма» и не являются главным механизмом легитимации последнего, а разработка принципов и методов диалектического материализма в этой связи есть бессмысленная трата марксистских философских сил.

4. Ленинизм не есть марксизм в подлинном смысле. Он есть смешение материализма XVIII–XIX вв. (просвещенческого материализма Дидро–Гольбаха, вульгарного материализма Бюхнера–Молишотта и антропологического материализма Фейербаха) и подлинного марксизма, т.е. исторического материализма. Поскольку в ленинизме, как и в диалектическом материализме вообще, натуралистическое учение о природе лежит в основе учения об истории, тогда как в подлинном марксизме историзм определяет понимание природы, натуралистическая и объективистская основа философии Ленина целиком извращает марксистскую компоненту, материалистическое понимание истории, и искажает построенную на ней политику. Поэтому ленинская политика в рабочем освободительном движении верной быть не может.

Трактовка ленинизма как (1) антидемократической, бланкистски-интеллигентской (заговорщицкой) линии в освободительном движении, (2) как орудия легитимации репрессивных практик бюрократии в рабочих партиях и в «догоняющих» государствах организованного капитализма, (3) как натуралистического в своей основе смешения естественно-научного и исторического материализма, в конечном счете подавляющего и выхолащивающего историчность марксистской мысли, передалась современной западной левой мысли – в том числе через посредство Франкфуртской школы, и в особенности работы Маркузе «Soviet Marxism» (1958), ставшей на долгие годы наиболее популярным теоретическим источником по марксистской критике советского диалектического материализма в западной левой среде. В настоящее время эта трактовка функционирует в ней в седиментированной форме как самоочевидность (Selbstverstaendlichkeit) и автоматизм.

Между тем сама эта критика основывается на философски сомнительных предпосылках. Обозначим лишь две основных. Во-первых, она базируется на характерном для гегельянского марксизма смешении опредмечивания и овеществления (фетишизации); вследствие этого она уравнивает развеществление (дефетишизацию) и распределчивание и сводит природу к материалу труда, а также развертывает на базе этого смешения ошибочную трактовку историчности. Во-вторых, она неверно понимает смысл и недооценивает роль политической теологии в теории и практике современного организованного капитализма, и, как следствие, упускает из виду значение ленинской критики религии и фидеизма для критики философии и политики постсекулярного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Behrens D. Eine kommunistische Linke jenseits des Leninismus? // Pannekoek A. et. al. Marxistischer Anti-Leninismus. Freiburg : ça ira, 2008. S. 7–17.
2. Baum F. The Frankfurt School and Council Communism // The SAGE Handbook of Frankfurt School Critical Theory. London : SAGE Publishing House, 2018. Vol. 3. P. 1160–1178.
3. Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Петербург : Госиздат, 1920. 111 с.
4. Luxemburg R. Leninism or Marxism // Luxemburg R. The Russian Revolution and Leninism or Marxism. Ann Arbor : Michigan UP, 1961. P. 81–108.
5. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах. М. : Гос. социально-экономическое изд-во, 1931. 192 с.
6. Маркс К. Капитал. М. : ИПЛИ, 1988. Т. 1. 891 с.
7. Богданов А. Чего искать русскому читателю у Эрнста Маха // Мах Э. Анализ ощущений. М. : Изд. Скимунта, 1907. С. IV–XII.
8. Ильин В. (Ленин В.И.). Материализм и эмпириокритицизм. М. : Звено, 1909. 438 с.
9. Pannekoek A. Lenin als Philosoph. Frankfurt a. M. : Europaeische Verlaganstalt, 1969. 141 s.
10. Mattick P. Vorwort // Pannekoek A. Lenin als Philosoph. Frankfurt a. M. : Europaeische Verlaganstalt, 1969. S. 5–18.
11. Korsch K. Zur Philosophie Lenins // Pannekoek A. Lenin als Philosoph. Frankfurt a. M. : Europaeische Verlaganstalt, 1969. S. 127–138.
12. Marcuse H. Soviet Marxism. A Critical Analysis. N.Y. : Columbia UP, 1969. 271 p.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 6 июля 2020 г.

Origins of the Interpretation and Criticism of Philosophical Foundations of Leninism in Western Marxism

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 79–84.

DOI: 10.17223/15617793/458/9

Alexey E. Savin, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation); Moscow School of Management SKOLKOVO, (Moscow, Russian Federation). E-mail: savinae2018@gmail.com

Keywords: Leninism; philosophy; Western Marxism; criticism; materialism; history; politics; Pannekoek.

This study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19–011–00764 A.

The aim of the article is to discover the nature of the widespread criticism of Leninism in Western countries in the “left communism” or “communism of the Soviets” (Raetekommunismus), which arose in Germany, Holland, and Denmark in the 1920s and

1930s. To understand the general lines of the criticism of the philosophy of Leninism the author analyzes the ideas presented in the work *Lenin as Philosopher* by Anton Pannekoek, one of the greatest thinkers and politicians of the “communism of the Soviets”. In its philosophical part, the work is devoted to the criticism of Lenin’s main philosophical work *Materialism and Empirio-Criticism*. The author also takes into account the articles devoted to this criticism by Karl Korsch and Paul Mattick, other founders of “communism of the Soviets”. The significance of these works is determined by the fact that they constitute the philosophical foundation of contemporary Western “Marxist anti-Leninism”. The author reveals the political presuppositions and the political background of the polemic about the philosophical foundations of Leninism. The background is a polemic about the significance of the Russian revolution and the principles of building the Bolshevik party for the rest of the world and especially for Western countries and their Communist parties. The philosophical polemic with Leninism grows out of a doubt about the universal significance of the experience of the Russian revolution. In particular, Pannekoek and Korsch put forward the thesis of the bourgeois-democratic, not socialist character of the Russian revolution. From this thesis, they conclude that the theoretical basis of the Russian revolution is also of a bourgeois character, i.e. the Russian revolution is based on the ideas of the Enlightenment. The philosophical foundation of the Enlightenment is natural-scientific materialism, not historical materialism, i.e. not Marxism. The article demonstrates the genesis of the concept of Leninism as (1) an anti-democratic tendency in the contemporary liberation movement, (2) an instrument for legitimizing the repressive practices of the bureaucracy in the workers’ parties and in the “catching-up” states of organized capitalism, (3) a naturalistic mishmash of natural-scientific and historical materialism, ultimately suppressing and emasculating the historicity of Marxist thought. The author reveals how this concept was transmitted to modern Western left-wing thought through the Frankfurt school, and especially through Marcuse’s work *Soviet Marxism* (1958), which for many years became the most popular theoretical source for the Marxist criticism of Soviet dialectical materialism in the Western left. Nowadays, this interpretation functions in it in a sedimented form as self-evidence (Selbstverstaendlichkeit) and automatism.

REFERENCES

1. Behrens, D. (2008) Eine kommunistische Linke jenseits des Leninismus? In: Pannekoek A. et. al. *Marxistischer Anti-Leninismus*. Freiburg: ça ira. pp. 7–17.
2. Baum, F. (2018) The Frankfurt School and Council Communism. In: Bonefeld, W., Best, B., O’Kane, C. (eds) *The SAGE Handbook of Frankfurt School Critical Theory*. Vol. 3. London: SAGE Publishing House. pp. 1160–1178.
3. Lenin, V.I. (1920) *Detskaya bolezni’ “levizny” v kommunizme* [Left-Wing Communism: An Infantile Disorder]. Peterburg: Gosizdat.
4. Luxemburg, R. (1961) *The Russian Revolution and Leninism or Marxism*. Ann Arbor: Michigan UP. pp. 81–108.
5. Engels, F. (1931) *Lyudvig Feyerbakh* [Ludwig Feuerbach]. Translated from German. Moscow: Gos. sotsial’no-ekonomicheskoe izd-vo.
6. Marx, K. (1988) *Kapital* [Capital]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: IPL.
7. Bogdanov, A. (1907) Chego iskat’ russkomu chitatelyu u Ernsta Makha [What the Russian reader will learn from Ernst Mach]. In: Mach, E. *Analiz oshchushcheniy* [The Analysis of Sensations]. Translated from German. Moscow: Izd. Skirmunta. pp. IV–XII.
8. Il’in, V. [Lenin, V.I.] (1909) *Materializm i empiriokrititsizm* [Materialism and Empirio-Criticism]. Moscow: Zveno.
9. Pannekoek, A. (1969) *Lenin als Philosoph*. Frankfurt a. M.: Europaeische Verlaganstalt.
10. Mattick, P. (1969) Vorwort. In: Pannekoek, A. *Lenin als Philosoph*. Frankfurt a. M.: Europaeische Verlaganstalt. S. 5–18.
11. Korsch, K. (1969) Zur Philosophie Lenins. In: Pannekoek, A. *Lenin als Philosoph*. Frankfurt a. M.: Europaeische Verlaganstalt. S. 127–138.
12. Marcuse, H. (1969) *Soviet Marxism. A Critical Analysis*. N.Y.: Columbia UP.

Received: 06 July 2020